

<http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov2/pril.zip>

[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август 1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002 сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин]

Альтовский А.И. П-77

Артемьев Н.И. П-78

Берг Е.С. П-79

Веденяпин М.А. П-80

Герштейн Л.Я. П-81

Гоц А.Р. П-82

Донской Д.Д. П-83

Иванова (Иванова — Иранова) Е.А. П-84

Львов М.И. П-85

Морозов С.В. П-86

Ратнер Е.М. П-87

Тимофеев Е.М. П-88

Федорович Ф.Ф. П-89

№ П-77

Последнее слово А.И. Альтовского

4 августа 1922 г.

За весь период жизни П.С.Р., который мы здесь рассматривали, самым главным условием ее деятельности, и в частности моей деятельности, как члена П.С.Р., была глубокая, неразрывная связь наша с трудовыми крестьянскими массами. Только полное непонимание этой связи дало возможность прокурору Крыленко издеваться над моими словами о двух случаях возстаний – в Саратове¹⁰⁸ и в Саратовском уезде¹⁰⁹ – из которых к одному, как я говорил, мы не захотели примкнуть, а к другому, как исказил мои слова Крыленко, нас «принудили силком».

Первое было возманием чуждой местному трудовому населению красноармейской части, руководимой группой сомнительного офицерства, из-за жалования, из-за пайка. Именно в силу нашей связи с массами, мы, конечно, к такому возманию и не могли иметь никакого отношения. Мы и не имели. Другое – преждевременная попытка возмания Саратовских крестьян, сделанная против указанной^а Партии. В ней в последнюю минуту, когда уже удержать было нельзя, наши партийные крестьяне приняли участие именно потому, что жизнь наших партийных организаций в деревне не может быть отделена от жизни трудовых масс крестьянства. И они поступили, конечно, правильно, хотя и вопреки указаниям обл[астного] ком[итета], хотя начинать возмание и было в то время преждевременным. Эти два эпизода в малом масштабе как нельзя лучше показывают, что не только массы, даже не охваченные партийной организацией были с нами, но и мы были всегда с ними.

Во всероссийском масштабе эту связь нашу с трудовым крестьянством обнаружили выборы в Учредит[ельное] Собрание. И только «марксистская» манера «историка» Покровского^б обращаться с фактами^в мешает ему видеть это: 20 миллионов голосов, и именно голосов трудового крестьянства, было подано за нашу Партию, несмотря на то, что во время выборов власть была уже захвачена большевиками и во время выборов эта власть употребила все усилия и все насилия, чтобы заставить голосовать за списки большевиков.

Демократия, всеобщее избирательное право, конечно, для нас не фетиш и не догмат. Мы знаем, что в З[ападной] Европе и вообще в развитом капиталистическом обществе всеобщее избирательное право может приводить и приводит к политическому господству капитала. Но мы знаем, что в мужицкой^г России всеобщее избирательное право при условии свободных выборов не могло не дать социалистического большинства в Учр[едительное] Собр[ание]. Эта наша вера не со вчерашнего дня создавалась у нас. Еще в [18]81 году социалисты-революционеры, составлявшие тогда партию народной воли, стояли на этой же точке зрения. В своем письме к Александру III Исп[олнительный] Ком[итет] Партии Народной Воли¹¹⁰ говорил, что если будут разрешены выборы в Учр[едительное] Собрание

^а Так в документе, следует указаний.

^{б-в} Вписано над строкой.

^г Здесь и далее подчеркнуто в документе.

при условии полных свобод, он откажется от вооруженных методов борьбы с правительством и выступит на выборах со своей программой переустройства России в уверенности, что большинство народа выскажется за эту программу. Программой же Исполнительного Комитета было: передача земли трудящимся и система мер, направленная к последовательному и постепенному обобществлению промышленности и торговли.

Эта наша старая вера при выборах в Учр[едительное] Собр[ание] оправдалась блестяще. И она всегда оправдается, пока класс крестьян в России будет составлять подавляющее большинство народа – мужицкие голоса всегда дадут социалистическое большинство при свободных всеобщих выборах в России.

Да, трудовые крестьянские массы были с нами. Но это не значит, что они были готовы и способны создать и защитить свою собственную трудовую государственность. Это задача такой величайшей трудности и требует такого количества культурных сил, какого у крестьянина не оказалось. Вот тут[-]то и разница между вами и нами. Ваша задача и наша задача не одно и то же. Ваша государственность и наша государственность – огромная разница. В этой именно разнице задач лежит и ключ к объяснению падения Самары. Какова ваша задача? Луначарский, м[ожет] б[ыть], невольно, образно характеризовал ее. Он сказал, что после того, как народ разбил свои цепи и сбросил поработителей, новые наездники пытались оседлать его – Деникин, Колчак и пр. Но народ сбросил и этих всадников со своей спины. И вот тут-то Луначарский добавил: «Крестьянство в некоторых местах временно сбрасывало и нас со своей спины, но лишь временно». Луначарский, которого обычно изображают порхающим мотыльком, изобразил сам себя и коммунистическую партию «всадником на мужицкой спине». В этом глубокая правда и залог вашей удачи и успехов. Ибо одно дело вновь оседлать и обуздать вырвавшегося «временно» на волю подъяремного вола – и совсем другое дело превратить народ из выючного животного в народ свободных граждан самоуправляющегося свободного государства. Эта задача совсем другой трудности. Оседлать народ и вновь поработить его вам удалось, а нам не удалось, наша неизмеримо более трудная и совсем иная задача.

Не только нам не удалась она. На всем протяжении мировой истории она еще нигде никому не удавалась. Но это нам не мешало верить в грядущую победу и бороться за нее. С тех пор, как появились рабы и господа, угнетаемые и угнетатели, с тех пор и борьба под знаменем братства, равенства и свободы возникла на земле. Рабы всегда восставали под этим знаменем и всегда хотели не перемены цепей, а полного освобождения. Но побед это знамя еще пока не знало. Везде, где оно казалось побеждающим, за него хватались и к нему устремлялись грязные, хищные, но цепкие руки и превращали его в символ нового порабощения, новых форм рабства. Так произошло и теперь. Вместо освобождения – новые цепи под новыми названиями. И те же перемены форм эксплуатации крестьянства, которые мы видели теперь при большевиках, как в эмбрионе, вновь пробегают всю историю России. Разве деревня не была отдана на «кормление» комбедам, продотрядам и комячейкам? Все это было заменено потом продналогом. И разве опубликованный в № 173 «Правды» проект Минькова (на основании резолюции вашего XI съезда) о создании для управления деревней штата наемных, платных коммунистов из крестьян¹¹ не повторяет института стражников и урядников царского помещичьего правительства?

Мне остается еще ответить на вопрос¹² председателя, что я стал бы делать, если бы оказался на свободе. Риторический вопрос. Свободы не может быть для нас сейчас. Нам грозят разстрелом и значит, нас ждет не свобода, а могила. Или, м[ожет] б[ыть], живая могила в тюрьме, если нам решат сохранить жизнь. И если бы даже и случилось чудо и двери ваших бастилий¹³ раскрылись для нас – мы все же не оказались бы на свободе, ибо всю Россию вы превратили для народа в огромную каторжную тюрьму.

Но что-бы я стал делать, если бы Россия стала бы действительно свободной? В мечтах, в снах мне случалось думать и об этом – ведь «лучшие сны снятся в тюрьме». В этих грезах для себя лично я не желал бы лучшего, как работать в деревне рука об руку с крестьянами над устройством и улучшением их хозяйственной и общественной жизни. Простая и скромная задача. Но и это только мечты, ибо там, где порабощен и лишен прав мужик, не может быть на свободе социалист-революционер. В большевистской России это только мечты, как были только мечтами, подобные же планы в царской России для Желябова.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Альтовского. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 21–22.

¹¹ Далее в тексте вычеркнуто ранее написанное риторический.

¹² Так в документе.

4 августа 1922 г.

Не для своей защиты пользуюсь я своим последним словом подсудимого. Я, как верный сын партии, как партийный работник, оставшийся верным ее идеалам, хочу в своем, может быть, действительно последнем слове, подчеркнуть здесь свою солидарность с моими товарищами, сидящими на наших скамьях. Политическая позиция партии с достаточной отчетливостью выявлена здесь моими товарищами. Они указали, что задачи партии в данный исторический момент заключаются в сплочении и консолидации сил рабочего класса в организованном оформлении и выявлении во вне рабочих сил в целях отстаивания своих классовых интересов от надвигающегося капитализма, и политическая борьба за воссоздание этих организованных форм путем выявления массовой воли трудящихся.

За всю прошлую деятельность партии, за всю ту героическую борьбу, которую вела партия в авангарде народных масс с вашей диктатурой, я несу полную ответственность перед судом международного пролетариата.

Госуд[арственный] обвинитель требует нам смертной казни. Вы хотите применить к нам те же методы борьбы, которые применяло к нам царское самодержавие, но ваши методы борьбы с нами сугубо ожесточеннее, чем то было при самодержавии. Вы предъявили нам 60 статью, которая карает смертной казнью за одно участие в организации, поставившей своей целью ниспровержение существующего строя. Вы требуете смертной казни не за определенное деяние, учиненное тем или иным членом организации, а только за участие в этой организации. Разве кровавое царское самодержавие могло бы расправиться так со своими противниками. Вспомните, граждане, 126 ст[атью] царского кодекса, или в худшем случае, 102 ст[атью], которая гласит так же, как ваша 60-ая, и старые царские статьи за принадлежность к партии, поставившей себе целью ниспровергнуть власть, требовали 4 года каторги. Вы требуете за те же самые деяния смертной казни. Вы требуете казни за одно участие в организации, борющейся за права трудящегося класса. Вы требуете казни членов той партии, которая ставит своей целью в данный исторический момент изменить политику власти путем организованного давления на власть трудовых масс. За эту политическую борьбу вы хотите вынести нам смертный приговор, как вредным вам элементам.

Наш процесс воистину исторический, не только потому, что он вскрывает гигантскую героическую борьбу демократии, возглавляемой партией с.р. во имя социализма, но он исторический и потому, что здесь впервые коммунистическая партия вступает на легальный путь кровавой расправы со своими противниками социалистами. Вы своим приговором начнете новую эру кровавых расправ. Вы легализуете то, что делалось нелегально в ваших подвалах, где погибли многие и многие наши товарищи; хотя бы для примера укажу тех, имена которых упоминал в порядке следствия госуд[арственный] обвинитель: Данковский, Бондаренко, Еголева, Корзун и многие, имена им – сотни. В период гигантской героической борьбы нашей партии за права рабочего класса, вы выдвинули против нас такие скоропионы^а, такой террор, с которым не может сравниться лютая реакция Александра III.

Здесь старая Клара Цеткин, говорившая от имени III Интерн[ационала], указывала на то, как хорошо живется в советских тюрьмах социалистам, судя по нашему внешнему виду. Но она говорила об ужасах, которые претерпевают коммунисты в герман[ских] тюрьмах. А старик Кон с потрясающими жестами бичевал здесь польское правительство за те ужасы, которым подвергался Домбаль, выражавшиеся с его слов в том, что его[,] закованного в кандалы[,] провели по улицам Варшавы. Мы бросаем все возмущение и презрение издевательством над заключенными политическими противниками герман[ского] и польского правительств. Но знает ли Клара Цеткин и старый каторжанин Кон о тех ужасах, которые творятся в тюрьмах того правительства, которые^б они защищают здесь. Пусть Клара Цеткин проникнет в застенки наших тюрем и пусть каторжанин Кон взглянет на условия сидения в тюрьмах, которые он покрывает своим старым революционным именем.

Кл[ара] Цеткин говорила о голодовке коммунистов в Германии, а знает ли она о голодовках социалистов в советских тюрьмах не как явление исключительное, а как бытовое явление. Знает ли старик Кон о 14-дневной голодовке нашего товарища Тарабукина, о 16-дневной голодовке Марии Спиридоновой, о массовых групповых голодовках. Знает ли старый кариец Кон ответ власти на эти голодовки: «Умирайте – одним предателем меньше»

Коммунист Кон говорит о кандалах, наложенных на руки Домбаля. Знает ли каторжанин-кариец Кон о тех избиениях социалистов, которые имели место в Бутырской тюрьме в ночь на 26 апр[еля] 1921 года¹², когда были избиты социалисты и имели раны, ссадины и кровоподтеки – и их избитых разослали по каторжным централам? Знает ли старик Кон об избиении во Внутр[енней] Тюрьме во время нашего процесса наших товарищей – больной Татьяны Лянде и беременной на 8 месяце Екатерины Полетики, которых за нарушение тюремных правил посадили в уборную, где они просидели целый день, и куда приходили

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует которое.

чекисты, чтобы выливать нечистоты, а затем перевели их в подвал, с сырым полом, без кровати, стола и стула, с бегающими крысами, где они пробыли двое сут[ок]. Если бы старый каторжанин кариец Кон спустился бы в эти подвалы, он ужаснулся бы тому, что он увидел бы там. А вот вам еще пример, гражд[анин] Кон: когда мы сидели во Внутренней тюрьме во время ведения следствия, одна из наших товарищей, сидевшая здесь – Евгения Ратнер, с двумя другими товарищами была посажена в наказание в отдельную комнату, где они просидели двое суток без воды, и откуда их не выпускали в уборную и не давали параши в комнату.

Возьмет ли на седую голову старый кариец Кон ответственность за то, что творится в тюрьмах, которые он патетически здесь защищает.

Граждане, не для своего оправдания пользуюсь я своим последним словом подсудимого. Я – член партии и я несу всю ответственность за деятельность той партии, в рядах которой я работал более 15 лет своей сознательной жизни, и по мере своих сил боролся за благо рабочего класса, из недр которого я сам вышел. Я вел свою работу так, как подсказывал мне мой долг революционера и социалиста. Здесь Клара Цеткин проронила великие слова. Она сказала: «Для каждого революционера – отдать свою жизнь за благо рабочего класса – не только долг, но и счастье».

Мы – революционеры и социалисты, идя на борьбу, всегда готовы к смерти, где бы она не постигла нас. И мы гордо примем ваш приговор к смерти.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Артемьева. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 22–23.

№ П-79

Последнее слово Е.С. Берга

4 августа 1922 г.

Я – рабочий. Моя роль незначительна и случайна. Но я благодарю за честь, ^аоказанную мне привлечением к этому процессу^б.

Казалось бы, что мне, как рабочему, после октября место с вами; но я – старый рабочий: ^вя сразу понял, что сулит октябрь, и еще 18 апреля и 3–5 июля^г мне было ясно, к чему ведут большевики; уже тогда в Петроградском совете, на митингах и рабочих собраниях я не раз говорил о том, какую опасность для революции готовите вы.

^дВ октябре вы победили с помощью наносных элементов промышленности военного времени, а не коренных питерских пролетариев: например, завод Барановского, вместо 500 человек мирного времени, имел во время войны 5000 человек. Из них четыре пятых – элементов для пролетариата случайных^е. Как только из Петрограда ушел этот наносный элемент военной промышленности, оставшиеся квалифицированные рабочие сразу выявили вам свое истинное отношение. Сейчас же после октября целый ряд предприятий выносил резолюции протеста против вашего образа действий. Такие протесты слышались прежде всего из среды печатников, самого организованного и передового элемента рабочего класса, бывшего всегда во главе рабочего движения. – Когда они увидели, как на Невском и в других местах города запалили костры, на которых сжигались социалистические и рабочие газеты, ^жони поняли, что при господстве большевиков погребено свободное слово, погребла независимая свободная печать и они подняли свой голос протеста^з. Путиловцы – оплот ваших октябрьских дней, как вы говорите – вынесли резкий вотум недоверия Шляпникову, ^ивашему министру^к. Но, может быть, мы, старые рабочие Петрограда, столько лет говорили лишь от имени кучки рабочих, может быть, мы, беспрестанно боровшиеся за дело рабочего класса – мы ошибались? Увы, нет. Советская власть всей своей дальнейшей политикой показала, что они были правы. И даже советы рабочих и крестьянских депутатов, моральный авторитет которых еще со времени 1905 года был так высок, что в трудовых массах никогда не могло родит[ь]ся мысли о том, что кто нибудь осмелится посягнуть на них, – разгонялись вами, вашими штыками. ^лТак были разогнаны советы в Ташкенте, в Шуге, совет крестьянских депутатов Московской губ[ернии], совет безработных в Калуге, совет рабочих депутатов в Ярославле^м. Мало того, когда рабочие приходили к вам требовать хлеба – вы их

^а ^б Дописано предположительно Бергом.

^в ^г Вписано сверху над строкой.

^д ^е Дописано предположительно Бергом.

^ж ^з То же.

^и ^к То же.

^л ^м То же.

расстреливали, вы их кормили пулями, так же как 25–26 февраля их кормило пулями правительство самодержавного царя. Так было в Кинешме, Туле, Колпине. "В Кинешме было 30 человек раненых, в Туле – 2 убито и несколько ранено и в Колпине – 1 убит и 8 ранено". Но, может быть, для этого у вас были серьезные основания? Может быть, вы были правы, что своими выступлениями рабочие подрывали транспорт и продовольственную систему, вносили разруху в налаживающееся хозяйство? Посмотрим, как вы относились к простым политическим демонстрациям пролетариата. Вы на них также отвечали применением полицейской силы, отвечали пулями. Так была расстреляна 5-го января в Петрограде и в Москве демонстрация в честь учредительного собрания. Так, в Сормове было разогнано вооруженной силой делегатское собрание рабочих всей Поволжской промышленности "(Председатель: «Эти факты вами не доказаны, они голословны»)). Это исторический факт, и при желании вы найдете их подтверждение в архивах ВЧК^р. Я хочу сказать, почему мы, рабочие, мыслящие рабочие, не с вами. Если же вы не хотите слушать, то можете лишиться меня слова.

Пусть это было в прошлом. Я скажу тогда о свежей ране, о которой и вы не можете отозваться незнанием – процесс Саратовских рабочих. (29 рабочих, 1 инженер и 1 конторщик). Им ставили в вину требование всеобщего избирательного права, неприкосновенности личности, свободы слова, печати и собраний. Правда, вы их приговорили лишь условно, но, просидев в Таганке при условии полной голодовки, они заплатили за право голоса посредством своего процесса 4 смертями [и] 19 больными. Я – петербургский рабочий, наших питерских рабочих старались не расстреливать и не раздражать; но когда питерские рабочие ездили в качестве делегатов от собрания уполномоченных в другие города, вы их там немедленно арестовывали; но тогда питерские рабочие были еще силой и завод требовал освобождения своих товарищей и вы были принуждены их немедленно освобождать. Но не всем это прошло даром: делегат Сестрорецкого завода Раковский не ушел от вашей мести и был расстрелян после убийства Урицкого^г.

^уК чему привела ваша профессиональная политика? Вы хвалитесь многомиллионной организованной массой. Но что это за организации? – Это просто бюро для взимания подати с рабочих, куда их притаскивают на аркане. А всякая попытка рабочих организовать, независимо и свободно выразить свою волю пресекалась вашими скорпионами и вашими чека^ф. Последняя попытка Питерских рабочих выявить свою свободную волю, волю рабочих масс, организовать всероссийский рабочий съезд также была вами раздавлена. Мы легально съехались, легально собрались и также «легально» были арестованы. ^хЭта была последняя попытка легальной борьбы за интересы рабочего класса, но нелегально мы этой борьбы не прекратили^и. Мы ни на один день не свертывали нашего знамени. Вы утверждаете, что рабочие несознательны и темны и их нужно воспитывать и опекать. Вы говорите это о тех самых рабочих, которые провели революцию 1905 года, которые боролись с реакцией в период до 1917 года, которые совершили февральскую революцию и которые после октября оказались так «темными» и «невежественными», что их пришлось перевоспитывать и расстреливать, чтобы они способны были понимать, как нужно жить и строить социалистическое государство. Для этого вы ввели для рабочих опеку, и очень любопытно было слушать одного из опекунов: министра народного просвещения Луначарского. Он очень хвастался здесь великолепной милицией и сильной армией, но он ни слова не мог сказать об им же организуемом просвещении масс. ^цПравда, он насаждал в рабоче-крестьянской России пляску босоножки Дункан: о, эти пляски были вполне своевременны разутому русскому народу!^ш Но они не привились, и сама Дункан сбежала от него за границу. И теперь, даже сам председатель «опекунского» совета – председатель совета народных комиссаров Ленин – на последнем съезде политпросвета авторитетно заявил, что рабочего класса, как сознательной организационной силы, уже нет. Он распылен и деклассирован. Вот те результаты вашей пятилетней работы, вашей опеки над рабочим классом.

Теперь о предъявленной мне статье. Крыленко, не найдя состава преступления, изобразил меня, как элемент социально опасный, и заявил, что меня нужно изолировать, т.е. по просту загнать туда, куда Макар телят не гонял. Я постараюсь выяснить свою социальную сущность. С 15-летнего возраста я поступил рабочим на завод и покидал его лишь тогда, когда чья либо насильническая рука вырывала меня из стен заводов и бросала в тюрьму или посылала в ссылку. В 1905 и 1917 году я был членом совета, вплоть до того дня, когда вы меня арестовали. Я всегда был в рядах рабочих. 9-го января 1905 года я был среди рабочих,

^и -^о То же.

^п -^р То же.

^с -^т Дописано предположительно Бергом.

^у -^ф То же.

^х -^ц То же.

^ч -^ш То же.

которых расстреливал царь, а 5-го января 1918 года я был в их рядах, когда нас расстреливали вы. Моя работа в рядах пролетариата кончилась 15 марта 1919 года, когда я был снова арестован на улице неким большевиком Рацкановым^ш, который, встретив меня на улице и опознав меня, как члена ПСР, заявил мне: «я вас должен арестовать – у нас в партии теперь такое течение». 20 лет я имею честь состоять членом партии С-Р, и своего партийного знамени я никогда не сверну. И если этим моим товарищам суждено умереть, я буду продолжать их дело, я буду продолжать наше общее дело, в надежде, что то, что не удалось сделать им, сделаю я.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Берга. Стенографическая запись с правкой, предположительно, Берга.
– Опубликовано: *Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 23–25.*

№ П-80

Последнее слово М.А. Веденяпина

4 августа 1922 г.

Граждане! За 20 лет моей революционной социалистической деятельности мне мало пришлось посвятить времени и сил служению социализму работой в пользу трудящихся масс. Мне за это время пришлось отбыть в каторге 4 г., в тюрьмах 6 лет, в ссылках 5 1/2, в эмиграции 2 1/2, на нелегальном положении 2 года и до [19]17 года на легальном положении полтора месяца во время октябрьских дней 1905 г. в Самаре. Моя революционная деятельность связана главным образом с Самарой и Самарской губ[ернией]. С 1901 года я связался с крестьянскими группками[,] отпрысками старых очагов революционной пропаганды со времени хождения в народ [Царевщина]. В самом начале моей революционной деятельности я был привлечен за участие в сообществе, поставившем целью ниспровержение и т.д. В это время еще не было 102, 126 и мне в торжественной обстановке прокурором и жандармским <ротмистром> было объявлено[,] что я привлекаюсь по 250 статье (статья[,]) по которой привлекали народовольцев) и по которой карой является смертная казнь. С тех пор приходится быть все время под той или иной статьей, но все время с угрозой смертной казни. В 1905 году в Самаре меня за участие в движении в октябрьские дни арестовали и по распоряжению П.Н. Дурново[,] министра внутр[енних] дел пытались предать военно-полевому суду Меллера-Закомельского[,] проезжавшего в то время из Сибири в Петроград. В дальнейшем меня предавали суду по тем же все статьям и Директория, генералы и Колчак объявляли меня вне закона и вот теперь мне то же грозит за участия в сообществе разстрел за деятельность в качестве члена Ц.К. П.С.Р.[,] за которую я несу всю ответственность. В 1905 году самарское крестьянство приняло самое активное^а участие в революционном движении, которое разлилось по всей губернии. В Сам[арской] губ. были крупные вооруженные выступления <...> и даже была образована Старо-Буянская крест[ьянская] республика. Все движение протекало под непосредственным участием П.С.Р. и партия выявляла классовые интересы трудового крестьянства. Когда возникло движение крестьян в [19]18 году, оно мне было понятно. В [19]17 году сам[арское] крестьянство, подготовленное прошлой деятельностью[,] использовало свободы так[,] как редко где оно было использовано. Крест[ьянство] дышало полной грудью и вошло в самую гущу политической жизни страны, оно вошло во все поры общественной жизни, местной жизни. Оно работало в Советах, Земельн[ых] комитетах, органах мест[ного] самоуправления и когда пришло время посылать своих депутатов в У[чредительное] Собр[ание], то оно послало 12 человек с.р. Октяб[рьский] переворот был не понятен для С[амарского] крест[ьянства], потому что не протекал под лозунгами У[чредительного] С[обрания] и социализации земли, лозунгами издавна ставшими их [родными] и внесенными к ним П.С.Р. Но когда крестьянству пришлось познакомиться с политикой новой власти[,] начавшей свою деят[ельность] с роспуска Советов, где большинство не было коммун[истическим], запрещением выбирать противников Сов[етской] власти, когда запрещено было всякое проявление политическо-общественной жизни, закрытием земских учреждений, земел[ьных] комитетов, запрещением свобод всех видов[,] и когда на деревню обрушился целый поток военных отрядов^б, тут и работа «комбедов» и продовольственных реквизиционных, карательных и всех иных прочих до крестового похода города в деревню [–] все в погоне за мужицким хлебом. Мужик почувствовал[,] что вопрос поставлен о его существовании[,] и он начал бороться за свою жизнь. Он начал организовывать свои штабы, свою пехоту, вооруженную <вилами>, свою кавалерию[,] вооруженную косами, садился за перо и своими

^ш Так в документе, следует, видимо, Ларцаном.

^а Вписано взамен вычеркнутого горячее.

^б Вписано сверху.

^в Далее вычеркнута часть фразы посланных за мужицким хлебом.

корявыми пальцами^г выводил: «Ко всей России» – «Мы находимся в состоянии войны с совет[ской] властью» – «Наши села в огне, наши нивы в крови». И эти простые слова[,] подкрепленные набором[,] сообщались из село в село[,] из волости в волость[,] были понятны крестьянскому сердцу и крестьянство спланивалось массой[,] поднималось целым краем. Этот призывный клич долетел и до партии и до меня и я пошел на <...>^д и принял участие в движении за Волгой. Я не буду останавливаться на доказательстве неизбежности^е самарского движения[,] я процитирую Буревое: «То народное движение, кот[орое] так широко развер[нулось] на полях Волги под флагом борьбы за народовластие и независимость России, имело под собой несомненную истор[ическую] почву и большую жизнен[ную] основу. И как бы истинный демократ и социалист не относился критически к этому движению он может <сожалеть> не о том, что оно произошло, а о постигших его неудачах. Россия не могла обойти молчанием “похабный брест[ский] договор”^ж. Рус[ские] демокр[аты], если они обладают жизненными силами, не имели права отказаться от борьбы за независимость страны, не могли без боя выпускать из своих рук знамя народowl[астия]. И этот бой был дан. Он был неизбежен».

О Самаре и политике Комуча[,] в правительстве которого я был[,] здесь говорилось не мало и потому[,] я думаю[,] можно ограничиться цитатами Н.Н. Ракитникова, человека левого устремления и критически относящегося к Самаре. Он говорит («Колчак и реакция в Сибири»): – «В Самар[е] пр[авительство] предполагало, что все поряд[ки] и отношения[,] создан[ные] совет[ской] властью, сохраняются в силе[,] пока не будут отменены или изменены приказами новой власти (с. 11). Сам[арское] пр[авительство] объявило законами первые 10 пунктов основного закона о земле, прин[ятого] в У[чредительном] С[обрании] 5 я[нваря] [19]18». – Программы Самары о <власти> У[чредительного] С[обрания] [19]17 г.[,] полная демок[ратическая] соц[иализация] земли, социализ[ированные] меры в сфере промышл[енности] и торговли, объединение всех национал[ьных] сил и всех областей России в ст[арых] гос[ударственных] границах за искл[ючением] Фин[ляндии] и Польши под гегемонией социалистов <?> и обладающих абсолютным большинством в У[чредительном] С[обрании] П.С.Р. (12). “У Самары была” социалистическая и демократическая программа возрождения России. В этой борьбе между Вами и нами пришлось столкнуться воочию с гражданской войной внутри трудящихся, внутри демократии. Нет более тяжелого и тяжкого как война между социалистами разного толка^к. Ваши красноармейцы и наши в Народной Армии не хотели воевать[,] и только шли^л на борьбу с Вашей стороны железные батальоны из Питера и Москвы, а с нашей рабочие Самары, Ижевска и Воткинска и крестьяне труженики Сам[арской] губ[ернии], те и другие с красными знаменами социализма шли и умирали за этот идеал. Таких отрядов, как Ваши жел[езные] батальоны[,] теперь Вам не создать, рабочие за Ваш НЭП так умирать не пойдут[,] как они шли тогда[,] думая[,] что борются за социализм. Это заставляет создать такие условия[,] при которых новая гр[ажданская] война была бы невозможна, необходимо иметь такие условия, при которых массы могли бы выявлять свои нужды и чаяния[,] не прибегая к гражд[анской] войне. Правящая власть берет на себя огромную ответственность[,] если вынудит массы прибегнуть к этому способу борьбы. Что же случилось с тем краем[,] который был вынужден подняться против С[оветской] В[ласти] с оружием в руках, против политики продразв[ерстки] и других форм проявления т.н. военного коммунизма, подорвавшего всю хозяйственную мощь когда-то богатого края – житницы России. Сам[арская] губ[ерния] когда-то не только выбрасывала миллионы пуд[ов] хлеба на внутр[енний] рынок, но еще выбрасывала не мало мил[лионов] и за границу[,] в настоящее время корчится в муках голода и только существует на подачки антантовской благотворительности. В Пугач[евском] уезде из 590.000 жит[елей] осталось 177.000, т.е. 35 % и то только по стат[истике] пайков и выдаваемых пособий. Местами вымерло и разбежалось до 80 %. Прежде на всем пространстве Сам[арских] Степей не было клочка земли не засеянного и мужики дрались, судились за каждый лоскут земли, ныне на десятки верст глаз не может встретить возделанного кусочка земли. Земля никому не нужна, ее опять захватила степь, бурьян и ковыли накрыли поля[,] когда-то колосившиеся золотой пшеницей[,] и только изредка глаз натолкнется на колючий красивый татарник. Мужику земля не нужна. Мужик ее не может обработать, он ковыряет мотыгой, или запрягает корову в упряжь и сам с женой в пристяжку тащит борону, падая под тяжестью работы. 9 % мужик[ов] мог[ли] пахать в [19]22 г. У мужика и скотины нет сил, сил нет в житнице России. Подкосилась могучая выносливость мужика, да и выжили в ужасную зиму только из-за

^г Вписано взамен вычеркнутого руками.

^д Далее слово не разобрано.

^е Вписано взамен вычеркнутого необходимости.

^ж Вписано взамен вычеркнутого мир.

^з “и” Подчеркнуто в документе.

^к Далее в тексте вычеркнуто Ваши войска как и наши не хотели воевать.

^л Далее в тексте вычеркнуто умирать.

могучего приспособления к действительности. Люди, могущие питаться трупами, люди могущие есть своих родителей, убивающие своих детей[,] выживали. Мы читаем: «Семья 6 чел., умерло 5, остался мал[ычик] 12 лет последнего съели, пол жены съел, не управился – умер». Башкиры любят своих детей, они их есть не могли, собирались ночью и при факельном свете топили в реках или озерах. И они вымерли более чем другие. Лун[ачарский] говорит[,] что Ком[мунистическая] власть выведет страну из Египта и через пустыню приведет в обетованную землю. Действительность, которая очень похожа на то, что творится в Поволжье[,] заст<авляет> призадумат[ь]ся и боят[ь]ся[,] как бы при выходе из Египта не погибнуть в пустыне, где[,] кроме звериного зубовнаго лязга и слова <жрать>[,] ничего не останется. Только создание таких условий, при кот[орых] трудящ[иеся] массы могли бы выявлять свою волю и свое творчество и спланиваться в соц[иалистические] партии[,] дружными общими усилиями могут вывести страну из создавш[егося] тяж[елого] полож[ения], смогут повести к нашему светлому идеалу – социализму.

«Конец последнего слова т. Веденяпин не смог прислать.

Приблизительное изложение:

Теперь скажу несколько слов по поводу моего письма из тюрьмы, которое так гнусно, так подло использовали гр. гр. Шубин и Бухарин в целях посеять рознь в нашей среде. Гр. Бухарин здесь в величии власти распределял: «тем (обвин[яемым] 2^{ой} группы) – полное освобождение, этим (1^{ой} гр[уппе]) смерть». Гр. Бухарин может взять мою голову, но на свою честь революционера я никому никогда не позволю бросить ни малейшего пятна. Я 20 лет работал с моими товарищами рука об руку и останусь с ними до конца.

Дальше Веденяпин дает объяснение по поводу своего письма из тюрьмы в Г.П.У в 1920 г. после попытки побега^{н13}.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Рукописный подлинник с правкой автора. Конец речи дан в изложении неустановленным лицом.

№ П-81

Последнее слово Л.Я. Герштейна

4 августа 1922 г.

Последнее слово подсудимаго, которому предъявлено 6 смертных статей, подобно исповеди умирающего, и я, стоя на грани небытия, прежде чем уйти туда, откуда нет возврата, хочу добавить немного к тому, что было здесь сказано до меня товарищами. Здесь со стороны обвинения мы не раз слышали обвинения о том, что хотя раньше мы были действительно революционной партией, теперь, однако, мы перестали быть такою. Так ли это? Изменили ли мы социализму и революции – хочу выяснить на собственном примере. Но прежде несколько слов о другом. Когда, создавая наш процесс, окружали его соответствующим антуражем, когда подготавливали демонстрацию 20 июня, и неоднократно также и здесь, в зале суда, кивая на наши скамьи, говорили: «вот Ц.К. с-р партии, персонально состоящий из представителей крупной буржуазии; понятно поэтому, что он оторван от рабочих масс, не знает их». Указывали, между прочим и на меня, как на представителя крупной буржуазии. Так вот, хочу сказать Вам, что буржуазность моего отца заключалась в том, будучи мелким служащим у Зингера, он последние 13 лет своей жизни был разъездным уездным агентом, развозившим по деревням машины и принадлежности для крестьянских портных, зарабатывая этим тяжелым трудом от 30 до 50 рублей в месяц для содержания семьи из 8 человек. А когда этот крупный буржуа умер, то за отсутствием средств пришлось хоронить его, заложив подушки. Что касается меня, то вся обстановка вокруг меня обусловила мое революционное будущее. Уже первое мое воспоминание – картина ночного погрома в 1881 году, глубоко врезалась мне в память. Зарево ночного пожара, плач и крики избиваемых женщин и детей, все это наложило неизгладимый отпечаток на мой детский ум. Вообще, мое детство протекало в [18]80-х годах – период непрекращавшихся погромов, под влиянием которых складывалась моя психика. С 12 лет я поступил учеником в мастерскую часовщика, и за верстаком последнего прошла вся моя молодость. Здесь я узнал другую сторону жизни – эксплуатацию рабочего. Закончив ученичество, на третий год работы в мастерской за 14 ч. рабочего дня я получал 4 рубля в месяц без стола и квартиры. Таким образом, «жизнь в молодости складывалась у меня под влиянием двух факторов: национального гнета и жесточайшей эксплуатации, воспитавших во мне дух протеста. В 1898 году столкновение с одним дворянином привело к моему первому аресту, по освобождению от которого я вынужден был оставить родину и стать революционером-профессионалом. Это было время,

^н «Завершение последнего слова М.А. Веденяпина дается в изложении.

^а Далее в тексте зачеркнуто лучшие годы своей жизни.

когда вся страна задыхалась под гнетом царизма, представлявшего собой диктатуру дворянства, помещичьего сословия, опиравшегося на дисциплинированную вышколенную армию и многочисленную полицию. Всякое проявление частной или общественной инициативы душилось в зародыше – все было под опекой власти; не было «свобод», но все же была кое-какая оппозиционная печать, от которой хоть и на «эзоповском» языке мы слышали контрабандой вольную мысль. Сознавая, что путь к социализму лежит через развитие самостоятельности трудящихся, мы, с-ры, вступили в беспощадную борьбу с царс[ким] самодержавием, которое давно уже вызывало отрицательное отношение к себе со стороны крестьян и рабочих. В борьбе с царизмом протекала моя жизнь с 1898 по 1917 год, перемежаясь с тюрьмами и ссылкой. Несмотря на сильную армию и полицию, царизм пал, и я счастлив, что в дни решительной схватки с царизмом в феврале, я на улицах Петрограда принял в ней посильное участие. Мы, с-ры, считали основной задачей революции организацию масс для наступления на капитал, но основным лозунгом нашим было – освобождение трудящихся должно быть делом их самих. Лучшим способом выявления организованной воли трудящихся масс считали Учр[едительное] Собр[ание], которое не могло не быть социалистическим по своему составу, опираясь на трудящихся, составляющих подавляющее большинство в стране. Наш лозунг народовластия разделяли и вы! И Вы сперва поддерживали его. До того момента вы нашей революционности не отрицали, но с февраля по октябрь массы не успели сорганизоваться, мешала усталость от войны, нарастал максимализм. Мы имели мужество пойти против течения, а вы пошли в хвосте его, чтобы использовать в своих целях, для создания собственной диктатуры... Предо мной, как и пред моими товарищами стал вопрос, как быть[ь]. При царизме мы боролись с диктатурой дворянства, сковывавшей самостоятельность трудящихся, а сейчас? – Сейчас та же^б диктатура, называется она диктатурой пролетариата, но ведь все черты царистской диктатуры имеются и в вашей, только еще в большем масштабе.

Как могу я, старый революционер, мириться с присвоением вами себе монополией^в слова, печати, права собраний и союзов?

Как могу примириться с превращением нашего лозунга «неприкосновения личности» во всеобщую повсеместную ежечасную прикосновенность? Ведь никто не обезпечен ни на один час от насилия власть имущих.

Вы гордо заявляете, что вы создали мощную красную армию. В лице ГПУ у Вас прекрасно организованная полиция. Вы утверждаете, что при помощи этих сил, утвердив свою власть, Вы можете считать, что находитесь в апогее силы и славы. Пусть так, но я сомневаюсь в вашей прочности, поскольку Вы не пользуетесь доверием народа. Вот Вы утверждаете, что дав землю крестьянству, Вы тесно связали его с собой, но я знаю, что это не так. Отношение крестьян к Вашей земельной политике лучше всего характеризуется следующим заявлением одного крестьянина в ответ на соответствующую речь коммуниста: «Правда, земля наша, да хлеб ваш, леса наши, да дрова ваши, воды наши, но рыбка-то ваша[ь]». В этих простых словах выпукло отразилось настроение крестьянина, его отношение к Вам, к Вашей земельной политике. Отсюда необходимость опеки над крестьянством, Ваше недоверие к нему. Далее, Вы говорите, будто весь рабочий класс за Вами. Да так ли это? Разве основанием для этого может служить уничтожение вами промышленности, нищенский уровень жизни рабочих? Ведь Ваша национализация промышленности привела к полному ее параличу, к уничтожению рабочего класса в советской России. Ведь никто другой, как Ленин, признал, что рабочего класса у нас сейчас нет и нужно возродить его при помощи новой промышленной политики.

Вот почему не могу признать Вашу тактику правильной, октябрь ведет не к социализму, а к ужаснейшей реакции, которая будет тем сильнее, чем полнее деклассация рабочих с одной стороны, и озлобление крестьян с другой. От этой реакции не спасет Вас и Кр[асная] армия. Ведь и французская революция имела в своем распоряжении сильную армию, которая, однако, дала Франции Наполеона, а при отсутствии самостоятельности трудящихся, я не вижу гарантий от появления у нас при Кр[асной] армии генерала на белом коне.

Итак, как видите, изменились не мы, с-ры, а Вы отказались от всего того, что раньше составляло сущность нашей общей борьбы.

Теперь несколько слов о предъявленных мне обвинениях. Гр[ажданин] Крыленко в заключительной речи заявил, будто я сносился с добрармией. Откуда он это взял? В деле этого нет и это не могло иметь места в действительности. О деле Берзина¹⁴ я впервые услышал здесь на суде: сомневаясь в самом факте покушения на него, я просил трибунал справиться, имело ли это место в действительности. Ответ Берзина, утверждающего, что в июле–августе 1918 г. на него было организовано покушение правым с-ром, подробности об этом знает какой то товарищ, – меня не удовлетворяет. Ведь если бы Берзин был ранен, то он просто ответил бы – тогда[-]то и там я был ранен. Человек[,] получивший пулю, едва ли бы

^б Так в документе.

^в Так в документе.

мог забыть упомянуть в своем ответе, как о ранении, так и о том, когда и как это случилось. Но если бы даже это имело место, то это еще не доказывает моего отношения к нему. Я категорически отмечаю это обвинение, как ни на чем не основанное.

Несколько слов о нашей работе в Сибири. По отъезде Ц.К. из Уфы я оставлен был в Сибири, чтобы разыскать остальных товарищей и составить с ними Сибирскую делегацию Ц.К., организовать силы партии для борьбы с Колчаком, что и было выполнено. Напрасно гр[аждани]н Крыленко пытается взять под сомнение наше утверждение, а также показания Тяпкина о том, что в Сибири мы считали очередной задачей партии не борьбу с Совет[ской] властью, а накопление сил для отражения идущей ей на смену реакции, поддерживаемой в Сибири японцами.

Говоря о крест[ьянском] движении вообще и Сибири в частности, обвинительный акт ставит П.С.-Р. в вину между прочим то, что наши лозунги живо воспринимаются крестьянами, чем пользуются раз[ные] проходимцы для организации крест[ьянских] восстаний. Я полагаю, что если наши лозунги охотно воспринимаются крестьянами, то это показывает только их неизменность, правильность и в этом я вижу великую заслугу П.С.-Р, а если вся Ваша политика в деревне толкает на путь восстания, чем пользуются проходимцы а-ля Игнатъев, – то это уже ваша вина, а не наша. Я и сейчас стою на той точке зрения, что нам нет смысла вести борьбу с вами, ибо мы – резерв революции против грядущей в лице Ключниковых и других, похуже, реакции. Гр[аждани]н Крыленко утверждает, что Вы не мести ищите, а рассматриваете вопрос о нас с точки зрения политической целесообразности. В связи с этим ставится вопрос о нашем отречении от того, что в нашем понимании является сущностью революционного социализма, – от идей народовластия и самостоятельности трудящихся, от нашего права идти к осуществлению социализма не по вашей указке, а теми путями, которые подсказывает нам наше революционное сознание и совесть.

Стремясь к истреблению всех инакомыслящих, боясь с нами и уничтожая наши организации, вы полпугаете побеспьянистам, котор[ые]! уничтожив лантонистов, эбертистов и др[угих], создали вокруг себя пустоту, в которую сами же потом и свалились. Вы, следуя тем же путем, готовите себе такую же участь. Так, повидимому и будет. В упоении победы Луначарский здесь заявил, что П.С.-Р уже не существует, но он ошибается так же, как в свое время ошибался и Столыпин, заявивший во II Госуд[арственной] Думе, что при помощи Азефа П.С.-Р уничтожена. Вы можете, конечно, расстрелять нас, ваших пленников, но, как говорит революционный поэт:

Из наших истлевших костей
возстанет воитель суровый
и будет он нас посильней.

Да, граждане, вы забыли раньше признававшуюся и вами истину, что людей убить можно, но идеи на штыки и пули не улавливаются.

Разстреляв нас, Вы не уничтожите нашей партии. Крепче сомкнутся оставшиеся и будут продолжать наше дело.

Да здравствует международный революционный демократический социализм!

Да здравствует П.С.-Р.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Герштейна. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 26–28.

4 августа 1922 г.

Еще несколько часов и отойдет в даль синюю прошлого и этот эпизод огромной политической тяжбы между партией с. р. и партией ком[мунистов], который тянется с начала революции.

За 80 дней судебного следствия я и мои товарищи старались с исчерпывающей полнотой обрисовать прошлую деятельность пар[тии] с. р. – и что еще важней (с нашей т[очки] зр[ения]) – очертить те политические позиции, которые занимает пар[тия] с. р. в настоящий момент. Мне лично нечего прибавить к тем объяснениям, которые я уже раньше давал. Свою точку зрения я развил, мне кажется, с достаточной полнотой, а вновь и вновь пускаться в безбрежное море полемики с нашими политическими обвинителями, это значило бы бесплодно отнимать время и у Трибунала и у аудитории.

Я считаю необходимым остановиться еще только на вопросе, заданном нам сегодня Председателем Трибунала: «Что бы мы делали, если бы очутились сейчас на свободе?».

Еще до него подобный риторический^а вопрос задал нам и прокурор Луначарский. Обращаясь к нам он говорил: «Вот Ленин в период борьбы с правительством Керенского рекомендовал своей партии: “ставьте этому правительству всякие трудности”. – Думаете ли вы так^б с нами бороться? Будете ли вы “отравлять атмосферу, сеять смуту, устраивать хозяйственный срыв?”.

Будете ли вы превращать всякую царапину в зияющую рану, всякую трещину в пропасть, всякую заминку в хозяйственную катастрофу?»

Мы уже давали исчерпывающие ответы на все эти и подобные недоуменные вопросы.

Если угодно, я могу в самой сжатой, схематической форме повторить наш ответ.

Что мы делали бы в области внешней политики. – Мы боролись бы со всеми замаскированными формами интервенции, блокады, мы отстаивали бы необходимость немедленного признания капиталистической Европой советского правительства, мы оказывали бы содействие советскому правительству в его борьбе против хищнических притязаний ин[о]странный капитала, поскольку в этой области политика правительства будет идти по линии интересов рабочего класса и всей страны – мы будем его поддерживать. И мы будем с ним решительно бороться, поскольку его политика будет уклоняться от этих интересов.

Что мы делали бы в области внутренней политики?

Здесь нашей основной задачей являлась бы организация широких трудящихся масс города и деревни с целью преодоления большевистской диктатуры, в качестве центрального вопроса, стоящего сейчас в порядке дня, и на предмет борьбы с реакцией, ныне угрожающей раб[очему] классу не извне, а изнутри, со стороны тех новых социальных сил, которые вырастают на почве вашей экономической политики.

Вот наш краткий ответ.

И еще одно хотелось бы лишь отметить.

С прокурорских скамей все возражения против нас заканчивались обычно одним торжествующим припевом, одним ликующим рефреном: «а победители мы!» «Мы вас разбили в открытом бою, и теперь судим по праву победителя».

Я не знаю, насколько ценен подобный аргумент пред судом истории. История часто судит, и жестоко судит и победителей! Но в разрезе сегодняшнего дня этот аргумент звучит убедительно и полномерно.

И ему мы можем противопоставить сейчас только сознание своей морально-политической правоты, правоты того дела[,] которому мы служим, которому мы отдали все свои силы, за которые мы боролись всю свою жизнь.

Да, – увы! – мы не заключили договора с победой^в и в расплату за это нам остается заключить договор со смертью.

И мы выполнили все вытекающие отсюда обязательства с мужеством революционеров, умеющих смотреть смерти прямо в глаза.

^а Так в документе.

^б Подчеркнуто Гоцем.

^в Подчеркнуто Гоцем.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слова Гоца. Рукописный подлинник.
– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 28–29.

№ П-83

Последнее слово Д.Д. Донского

4 августа 1922 г.

Двадцать пять лет моей жизни из 41 года, которые я прожил, я служил делу революции и социализма в интересах широких трудящихся масс так, как это я понимал и как понимала это служение партия, к которой я принадлежал.

Настоящий процесс дал мне возможность сделать отчет в своей деятельности за последний год моей работы в партии, за [19]18-й год. Раньше дать этот отчет я не смог по причинам[,] не от меня зависящим: все последующее время я провел в тюрьме и вне активной работы в партии. Отчет этот дан не в той обстановке, которая нужна для спокойного и безпристрастного рассмотрения моей работы, – в обстановке настоящего процесса. Но все же я полагаю, что партия не найдет в моих действиях, даже по такому отчету, данных для моего осуждения за ту роль солдата революции, которая на меня была возложена. Что же касается ответа на вопрос Трибунала о дальнейшем направлении деятельности моей, то на этом процессе с достаточной полнотой было освещено отношение партии к Советской власти, к методам борьбы – с нею, и в дальнейшем еще будет излагаться.

4/VIII [19]22 г.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Донского. Рукописный подлинник. На первом листе проставлено: «5»
– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 29.

№ П-84

Последнее слово Е.А. Ивановой

4 августа 1922 г.

Свое последнее слово я начну со слова о том, что бы было, если бы было то, чего не было. И думаю, что этим отвечу на последние слова гр. председателя: – что бы вы стали делать, если бы случилось то, чего не случится – если бы вас освободили?

Итак, что-бы было, если бы Партийный Съезд постановил (а только Съезд и имеет право вынести такое постановление) начать террористическую борьбу с Советской властью? Тогда бы^а Ц.К. создал боевой отряд, который вел бы ту же борьбу и также, какая была во времена Гершуни и других. И тогда не было бы того, что было. Если бы не присутствие таких трагических фигур, как Каплан, Сергеев и некоторые другие, я бы сказала, что то, что было, был глупый и грязный фарс. Если бы был наш отряд, этого не могло бы быть, п[отому] ч[то] составлен был бы он не так, как отряд Семенова. В него не увлекали бы обманом, не заставляли бы людей насильно делать то, что они не хотят. И во главе его не стоял бы человек, в душе которого как то странно переплеталась психология человека, желающего стать Наполеоном[,] и того, чья вся сущность заключается в словах: «лучше живая собака, чем мертвый лев». Во главе^б его стоял бы человек, которого можно убить, но нельзя обратить в собаченку. И вы знаете[,] такие люди у нас есть. Здесь, на этих скамьях, среди членов Ц.К. Вы сами знаете, что наш Ц.К. не какой[-]то генералитет, который с высоты своего величия^в посылает подставлять солдат свои лбы под пули, а сам спокойно и безопасно остается в стороне. Вы знаете это, и потому ложь и лицемерие ваши попреки Гоцу за октябрь, ложь и лицемерие – разьяснение Гендельману^г того, что посылать на смерть и самому идти умирать не одно и то же. Ложь и лицемерие потому, что вы знаете, что не последним, а первым был Гоц в октябре, а Гендельман если и был когда последним, когда он, член Ц.К. и министр, был тем простым солдатом Народной Армии, который последний вышел из Самары[,] в которую уже входили ваши войска.

И в этом отряде я бы была.

Ибо та ненависть^д к вам^е, которая много лет тому назад привела меня в ряды П.С.-Р., а потом и в ряды террористов, эта ненависть сохранилась у меня до сегодняшнего дня. Ненависть и

^а Далее вычеркнуто комитет.

^б Далее вычеркнуто нашего отряда.

^в Далее вычеркнуто спокойно.

^г Далее вычеркнуто разницы.

^д ^е Вписано над строкой Ивановой.

любовь к тому, что вы давите. И вот вам ответ на вопрос[,] что я стала бы делать, если бы очутилась на свободе: я бы по[-]прежнему боролась с вами.

Мне хотелось бы сказать еще несколько слов тем, которые были когда[-]то моими товарищами, а теперь сидят на тех скамьях. Короткое было мое знакомство с Федоровым и Зубковым, но у нас было общее дело и они были мне близки и дороги. И мне больно, что теперь они сидят не здесь, рядом со мной. То, что я хочу сказать, я хочу сказать для того, чтобы с той громадной тяжести, которая отныне будет лежать у них на плечах всю жизнь, снять хоть немного. Здесь не раз говорилось, что, если* Семенова, Коноплеву и др[угих] мы еще подозреваем во лжи, то уж Зубкова-то и Федорова даже мы не осмеливаемся подозревать. Выходило так, как будто именно Зубков и Федоров отправили меня на смерть. Неправда это! Что сделали они? Когда и[м] предъявили брошюру Семенова, показания Коноплевой, они... да, они оказались малодушны и пред лицом смерти подтвердили ложные показания тех. Но сами они ничего не прибавили и положения моего не ухудшили. И я бы хотела бы, чтобы они знали, что умирая, я ни одну минуту не буду считать их виновниками моей смерти.

А теперь мое последнее слово к вам, гр[ажд]не-судьи. Вы слышали здесь, что Ц.К. брал на себя ответственность за все партийные организации[,] и вы знаете, как много рядовых членов партии брали на себя ответственность за Ц.К., желали разделить с ним его участь. Я присоединяюсь к ним и говорю вам: я, рядовой член партии, полностью несу ответственность за всю деятельность Ц.К., п[отому] ч[то] я всегда подчинялась его директивам и всемерно поддерживала его. И вот я второй раз отвечаю вам на ваш вопрос, что бы я делала, если бы очутилась на свободе: на 5-ом Съезде Партии я так же голосовала бы за этот Ц.К., как голосовала за него, как на 4-ом. Так же бы подчинялась его директивам, так же бы поддерживала его.

Но этого не случится.

Мне остается только счастье умереть с теми, кого я считаю самыми близкими и любимыми мне людьми.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Ивановой. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 29.

№ П-85

Последнее слово М.И. Львова

4 августа 1922 г.

Мое последнее слово должно было быть таким же коротким, как коротка часть обвинительного акта[,] касающаяся моего дела, несуществовавшего проэкта Калужской экспроприации, экспроприации[,] о которой даже прокурор мог только спросить меня – а скажите[,] подсуд[имый] Львов[,] Вы допускаете возможность поездки[,] хотя и без вашего ведома, но от вашего имени туда[-]то, тогда[-]то и к тому[-]то[?] Но гр[ажданин] прокурор предъявил мне здесь и другое обвинение[,] правда[,] тоже очень короткое[,] всего на всего из четырех слов: хранение, размножение и распространение литературы. Обвинение в деяниях[,] которых я не отрицал раньше. не отрицаю и теперь. Вот этому и посвятив я свое последнее слово. Ла. три года тому назад я был арестован с партийной литературой, с листовками «Ко всем». Это было обращение Ц.К. П.С.-Р. к Совету Народ[ных] Коммиссар[ов] о прекращении межпартийной вражды и о перенесении наших споров на разрешение свободно избранных Советов Раб[очих] и Крестьянских Леп[угатов]. И за это три года тюрьмы, три года изоляции, да[,] изоляции и строгой изоляции. Членам В.Ц.И.К., значки которых я вижу и там[,] и тут[,] и здесь[,] должно быть известно[,] какая участь постигла нашего товарища[,] члена П.С.-Р., дерзнувшего нарушить эту изоляцию. Я не знаю, видел ли член^а Ц.К. Р.К.П. гр. Бухарин эту женщину с растерзанным ртом и изрезанными деснами, но окровавленное письмо он видел, потому что письмо Ц.К. П.С.-Р. от 10 сентября [19]21 г. было доставлено в Ц.К. Р.К.П. [с] еще не успевшей засохнуть кровью.

Три года тюрьмы и изоляции^б. Такое положение, при котором все отличные от большевиков, все думающие не по[-]ком-мунистически, все инакомыслящие должны строжайшим образом изолироваться от подвластного коммунистам мира[,] надо признать для коммунистической государственности нормальным^в и не только нормальным[, но] и необходимым условием и

^ж Далее вычеркнуто показания.

^а Далее вычеркнуто гр.

^б Далее вычеркнуто от подвластного коммунистам мира.

^в Подчеркнуто в документе.

средством сохранения и поддержания своей власти. Недаром из всех органов Сов[етской] власти всех ее хозяйственных, финансовых и экономических органов, первую награду получили не эти органы, а получил ее, эту награду – орден Красного Знамени – В.Ч.К. Недаром власть через пять лет своего господства назвала этот орган – здесь я должен извиниться перед всеми, у кого слишком нежный слух – государственным пупом. Да, это центральный орган по укреплению и поддержанию Вашей власти. А Ц.К. Р.К.П. и судебные органы берут его под свою защиту и не только защищают[,] но и творят его идеологию. Здесь когда во время судебного следствия шла речь об обыске у нас в тюрьме на Кисельном[,] гр[ажданин] Крыленко говорил: чекисты брали ваши судебные документы: читали их, изучали, отбирали и правильно делали. Если бы они не делали это[,] мы привлекли бы их к ответственности. – Это не только апологетика[,] но и идеология. И когда член Ц.К. Р.К.П. Бухарин защищал чекистов[,] избивавших социалистов при увозе из Бутырской тюрьмы в [19]21 г.[,] он говорил не только о железных нервах, но и о праве чекистов проламывать череп[,] хотя бы и социалистический, – это не только апологетика – это и идеология.

Всем пленникам власти по дороге к свободе В.Ч.К. предлагает стать или тайным или явным агентом полиции и этого пути редкий пленник избежит, но мы знаем[,] куда приводит этот путь[,] на какие скамьи он приводит[,] и мы здесь видели[,] кто и как этих людей защищает – это не только апологетика[,] но и идеология.

Но нам также известно, что и еще один путь предлагается В.Ч.К-ой для выхода на свободу – путь политического самоубийства, дача подписки отказа однажды и навсегда от всякой политической деятельности в пределах Р.С.Ф.С.Р. Здесь нам на этом основании отказано в защитнике Либере. Я не знаю[,] давал ли он такую подписку, но если Трибунал этим мотивировал свой отказ[,] значит[,] такая подписка предлагалась^г.

Да[,] гр[ажданин] Крыленко, do ut des^д. Вы можете спокойно работать. Чекисты вас не выдадут, но и они могут творить любые издевательства[,] любые зверства – вы за них заступитесь. И очень показательно для власти[,] что человек, который рвал и резал десны женщине[,] каждый день появляется здесь за председательским креслом. У власти хватило нахальства этого истязателя близкого нам по партии товарища, назначить нашим охранником.

Предс[едатель]: Лишаю вас слова, Львов.

Львов: Я здесь в первый и последний [раз] говорю и вы...

Председатель: Лишаю вас слова.

Львов: Всего лишь два слова.

Председатель: Лишаю вас слова.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Львова. Рукописный подлинник.
– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 30.

№ П-86 Последнее слово С.В. Морозова¹¹⁶

4 августа 1922 г.

Прежде[,] чем сказать то небольшое, что скажу в последнем слове[,] я хочу сказать несколько слов о том, что имело место сегодня, о чем не могу молчать. Только что на днях Бухарин[,] обращаясь к нам[,] заявил: «у вас ничего не осталось, кроме ваших жен и детей». Я не знаю, что он думал[,] говоря это, но вот, что подумало Г.П.У.[,] учреждение[,] так много им восхваляемое. Г.П.У. решило, что это приказ вождя изъять и то небольшое, что[,] по его мнению[,] осталось у нас. И сегодня у трех моих товарищей Тимофеева, Веденяпина и Альтовского арестованы их жены, а у четвертого[,] Федоровича[,] только что приехавшая издалека, быть может на последнее свидание к отцу, – дочь. Если Бухарин и эти действия органов власти поставит в заслугу своей партии, то воистину он может гордиться. Такой цинизм – привилегия только его партии.

Теперь перейду к своему слову. Ответственность за деятельность Цент[рального] К[омитет]а и отдельных его членов я несу, эту деятельность считаю правильной и всецело с ней солидаризируюсь. Сугубо ответственным считаю себя за деятельность Москов[ского] Бюро Цент[рального] Ком[ите]та, в кот[ором] с середины августа 1918 года я с т. Донским работал лишь вдвоем. И если гражд[анин] Крыленко счел возможным поддерживать обвинение[,] им предъявленное тов. Донскому, о никчемности кот[орого] здесь говорилось достаточно и

^г Далее вычеркнуто И очень показательно для власти.

^д Даю, чтобы ты дал (лат.).

сейчас касаться этого мне не приходится, то тоже самое обвинение он должен был предъявить и мне, ибо наша работа с т. Донским была совместной, все решения и постановления выносились всегда совместно[,] и разграничение было лишь в исполнении. И я обращаюсь к Трибуналу в надежде, что эта ошибка прокурора будет исправлена и соответствующие статьи будут применены и ко мне.

К вашему приговору, кот[орый] вы собираетесь вынести, вернее, кот[орый] уже вынесен Центр[альным] К[омитет]ом вашей партии, я отношусь с глубочайшим равнодушием, чтоб не сказать презрением. В своей революционной работе при царизме я никогда не руководствовался тем, что мне грозит за мою работу, не делал того же и при большевизме. Вашим врагом я был, есть, им и останусь. И если мне суждено еще быть на воле, мои небольшие силы будут отданы тому же делу, кот[орому] я служу уже 15 лет. Делу освобождения трудящихся, на борьбу за свободу народа, против вас, его угнетателей и поработителей.

С. Морозов

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Морозова. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 30.

№ П-87

Последнее слово Е.М. Ратнер

4 августа 1922 г.

Чтобы не говорить подряд две речи, мне приходится совместить тему своего последнего слова с теми возражениями, которые мне осталось сделать Луначарскому и Бухарину.

Прокуратура не совсем довольна, что прения сторон судебного процесса перешли в плоскость теоретических прений между представителями двух враждующих партий. Крыленко и Бухарин обвиняют в этом меня. Обвинение не по адресу. Прокуратура в лице Луначарского сама выдвинула в качестве дополнительных прокуроров против нас и Маркса, и Энгельса, и Плеханова. И если суду угодно слушать Маркса там, где он будто бы говорит против нас, ему придется слушать его и там, где он совершенно определенно говорит против вас. От теоретических вопросов не уйти там, где судят о программах политических партий. И не для того же сидел здесь два месяца Бухарин, чтобы в трех словах поведать миру о высокой ценности моральной личности Игнатьева. И он, и Луначарский защищали здесь другого подзащитного – Р.К.П. [(председатель останавливает: «о РКП говорить нельзя, ее здесь не обвиняют»)]. Защита этого обвиняемого – задача очень трудная и неблагодарная. Поэтому и Бухарину, и Луначарскому приходится то и дело прибегать к самым грубым извращениям и перекруткам, а первый имеет сверх того приятное обыкновение прикрывать бедность аргументации бранью. Как[-]то на фронте, когда я была арестована, коммунист выводил на расстрел моих товарищей по заключению, осыпая их площадной бранью, даже крепче Бухаринской. На мой протест он к[о]ротко ответил: «Да ведь это у нас заместо молитвы». Предположим, что Бухарин, так усердно наживающий политический капитал на «православном Боге гражданина Зензинова», удовлетворяет собственные религиозные порывы таким достойным образом. Оставим ему эту честь полностью. Но гражданин Бухарин, помимо недостатков, имеет и одно большое достоинство: он откровенен, и потому не всегда может удержаться на позиции официальной коммунистической версии. Эта версия гласила: мы – буржуазные заговорщики. Он и отрапортовал это в первых словах своей речи. Но сейчас же заявил: чтобы понять друг друга, мы должны найти общий язык. Этот язык – социализм. И все дебаты с буржуазными заговорщиками велись на этом общем языке социализма и Маркса, поскольку вы не вполне еще его забыли. То ли дело Луначарский: он с официальной терминологии не сойдет и[,] как в анекдоте[,] будет упорно тыкать пальцем в ветчину, называя ее рыбой. Вы утверждаете, говорил он, что я делал выводы из вашей мелкобуржуазной природы, не доказавши ее; доказывать нечего, я принял это, как аксиому. После Эйнштейна говорить об аксиомах не следует даже в геометрии, в социологии они – безграмотны, а в качестве судебного доказательства – наивны. Докажем это сейчас же на практике. Из вашей аксиомы следовал вывод о нашей кисельности, нерешительности, пассивности. Это доказывалось цитатой из Маркса. Я доказала вам обратное: вы не можете опровергнуть и признаете. Но это не важно, ибо через две страницы вы цитируете другую цитату из Маркса с выводом из того же положения о мелкобуржуазности, решительности, активности и пр. Видите, к чему приводит ваш геометрический метод социологии. Маркс становится для вас, как звездное небо для астролога, как священные книги для монаха-шарлатана – источники, на основании которых одинаково доказываемы прямо противоположные положения. Что хочу – то и вычитаю.

Бухарин основным термином своего социалистического языка делает «предательство».

Доказать это[,] по его мнению, значит – доказать все. А предательство в переводе с его жаргона на русский язык означает снятие для данного момента тех или иных максимальных требований, заменяя их более скромными. Эсэры «отказались» от своих прежних позиций в отношении к интернационалу и по вопросу о социальной революции и заняли другие, умеренные. Отказались – значит предали. Во время Циммервальда эсэры резко и верно критиковали второй интернационал, а теперь целиком его поддерживают.

Гр. Бухарин недавно прослушал доставивший его товарищам столько удовольствия, оглашенный здесь документ о выходе партии из 2-го интернационала. В 1920 году мы критиковали целый ряд его позиций не менее резко, чем раньше, мы даже вышли из его состава. Но поскольку весь европейский социализм прекрасно сознает, как важна и нужна сейчас согласованность действий в рабочем движении, мы идем с ними рука об руку и, несмотря на ряд разногласий, готовы их всемерно поддерживать. Разница идейных позиций у нас никогда не мешает единству действий.

От позиций Циммервальда и Кинталя мы отказаться не собираемся. Да и зачем нам это? Ведь все бывшие там и боровшиеся с ним: Каутский и Ледебур в Германии, Макдональд и Сноуден в Англии, Бризон и Мергейм во Франции – все не с нами. Они все в Венском объединении, примыкающими к которому мы считаем и себя.

Вы и тогда были в меньшинстве Циммервальда, и теперь его позициям давно изменили. В вопросах интернационального движения вы никаких «отказов», никаких изменений наших позиций не доказали.

Вопрос о социальной революции: Ваша ссылка на Чернова не верна. Его речь, на которую вы ссылаетесь, критикует позиции социал-демократии и только с той точки зрения, что социалистическая партия в своей программе не связана обязательством охранять интересы капиталистического строя самого по себе, что она обязана пробить в нем все возможные бреши, вырвать все возможные уступки. Но нигде он не говорит о том, что эти уступки и бреши равносильны социальной революции. Вам это прекрасно известно, в прошлой своей речи я цитировала вам нашу полемику с максимализмом, и подсунуть нам вашу программу вам не удастся. Наша экономическая программа борется и теперь за все те меры социализации и национализации, которые возможны при современном развитии общества, и [в] этом отношении мы не только ни от чего не отказывались, но многое прибавили.

Мы вошли в буржуазное министерство против постановлений Циммервальда, говорите вы. Трудно вести полемику с партией, первый теоретик и политический мыслитель которой не понимает разницы между вхождением в буржуазное министерство для органической работы и проведения политики этого буржуазного министерства и вхождением в революционное правительство для защиты и революционного творчества.

Вы извратили мои слова: я никогда не говорила, что в рядах нашей партии не было социал-патриотов; всем известна борьба двух течений в нашей партии. Я лишь ответила Кларе Цеткин, обвинявшей нас от имени международного пролетариата в красном социал-патриотизме, что на этой скамье подсудимых таковых нет.

Вы извратили мои слова о позиции во время войны 1917 г. эсэров и большевиков. Я никогда не говорила, что наши позиции были одинаковы. Я сказала только, что в 1917 году наша партия нигде не осмелилась открыто выступить с программой сепаратного мира и открытия фронта. Официально вы тоже высказывались за необходимость сохранения боеспособного фронта. Разница лишь в том, что мы говорили это искренне и действовали в этом направлении. Вы говорили лицемерно и делали обратное. По вашей терминологии это называется двурушничеством. И если кто[-]нибудь смягчает противоречия, то не мы теперь, а вы тогда. Вы ловите меня на противоречии между моей классово-национальной позицией во вчерашней речи и надклассовой общегосударственной речи месяц тому назад в речи по поводу позиции юго-вост[очного] ком[итета] членов Учредит[ельного] Собрания. «И башмаков она еще не износила» – восклицаете вы патетически, цитируя мои слова. Если бы вы прочли несколько строк выше или ниже, то прочли бы, и вы их читали и слышали, ибо этот вопрос ставился мне не раз, что наличие в ЦК в целом позиции Шрейдера никогда не разделяли и всегда критиковали. Так что остается неизвестным, чьи же башмаки вас так волнуют: мои или Шрейдера.

Луначарский передергивает еще крупнее: из моих слов о неизбежности победы буржуазных сил в нашей среде, и о переходе нашей партии в связи с этим с позиций третьей силы на классовые антагонистические вам позиции трудящихся вы делаете путем непонятных логических «сальте мортале» вывод о переходе на позиции свержения советской власти вооруженной рукой для того, чтобы быть мирной оппозицией при буржуазии. Я знала эту вашу тенденцию на всякое слово о борьбе отвечать воплями «Караул! Вооруженная борьба!» и предупредила это точными разъяснениями председателю.

Извращения не случайны. Это вошло у вас в систему. И эта система опирается на то полное отсутствие свободы слова и печати, которое вы ввели, чтобы получить монополию на истину.

Только зная, что всякая сказанная вами о нас ложь будет завтра же выдана всей прессой за правду, и что нигде не появятся слова опровержения, вы можете позволить себе такие примеры полемики. Теперь понятно усердие Луначарского в защите скорпионов для печати: кроме прочих достоинств оно полезно в том, что дает возможность коммунистическим вождям и теоретикам помогать бедности своей аргументации искажением слов противника. Когда мы говорим о том, что вы воскрешаете буржуазный строй, мы вовсе не говорим, что вы это делаете «без приобретений», по формулировке моих положений Бухариным. Приобретения будут, ибо революции всегда ведут народы вперед. Дело, которое будет сделано, будет исторически прогрессивным и исторически нужным, но от этого еще не становится социалистическим. Если бы вы всегда были партией новой русской буржуазии без социалистического ярлыка, мы меньше ополчались бы против вас. Но ведь вы, как первая партия, воплощавшая в жизнь идеалы социалистического строя, воздвигавшие тот строй, о котором десятилетия писали и говорили социалисты, вы получили в свои руки весь социалистический капитал, который рабочее движение скопило в течение века борьбы. И если вы его ухлопали на буржуазное дело, – есть ли это предательство, равное этому?

Своих положений о нашем политическом предательстве Бухарин не доказал. Но из него делает вывод о праве на моральное предательство на Семенова: «Предатель предателя есть честный человек». Странная алгебраическая мораль, не более удачная, чем геометрическая социология Луначарского. Минус на минус дает плюс.

Предательство политическое и предательство моральное – вещи вообще несоизмеримые. Это все равно, что складывать фунты с аршинами. Для нас внутренне-моральное сознание, самоуважение – вот тот инстинкт эстетики поведения, который свойствен каждому нормальному человеку, вот высшая инстанция контроля всех политических положений и директив партии каждым из ее членов раньше, чем он приводит эту директиву в исполнение. Личность революционера всегда была выше, его мораль чище, эстетичнее, его внутренний контроль тоньше, чем у рядового гражданина. Насиловать моральное поведение своих членов, требовать подчинения внешним нормам партийных директив самых укромных уголков индивидуальной совести всегда показалось бы диким и недопустимым.

Но пришла революция. Нашлась партия, которая с ничтожными партийными силами возложила на свои плечи громадное дело, все равно обреченное на гибель. Работа не ждет. Думать некогда и вредно. Создается[,] по горделивому выражению Бухарина, партийная машина, работающая с точностью и механичностью часового механизма. Каждый винтик, каждое колесико не могут жить своим умом. Сила общего вращения уносит их в общем процессе. Остановиться и оглянуться нельзя. Ни работы, ни чувства. Дело, одно дело.

Луначарский восхищался советским беллетристом Асеевым. В рассказе «Страда» он дал нам образчик коммунистической психологии. Лучшие из лучших. Не те 400.000 коммунистов, которые прежде и больше всего хотят присоседиться к казенному пирогу, а действительно идейные и честные, заваленные непосильным делом, они тщетно пытаются его осмыслить. Не творить, – где там, – а хотя бы только понять. Они приносят в жертву все, но жизнь не принимает их жертв. Их отталкивает и голодный город и темная, чужая, глубоко ненавидящая деревня. Им жутко, они не видят цели, они лишь чувствуют, что «не то». Но остановиться нельзя. Чья[-]то рука завела часовой механизм и колесики должны вертеться. Слепо веря в того, кто завел машинку, они не сомневаются в правильности хода. Если ничего не выходит, виноваты они сами. Надо еще что-то сделать, что-то отдать, как[-]то переломиться. Иначе произойдет страшное, ведь машина не ждет. И отдают все, достают со дна опустелой души самые заветные ценности и бросают их в дело, только бы не остановился механизм. Пускается в ход морфий, кокаин. Нет ничего слишком страшного, слишком дорогого. Россия залита кровью. Но это не страшно ей. И «честный» чекист Клейнер предлагает устраивать кинематографические снимки с расстрелов и показывать их на площадях. Может быть это застрашает, поможет. От тоски и бессилия Деревцов стреляется. И если бы Клейнеру или Деревцову перед смертью, всем этим загипнотизированным вечным вращением машины, неспособным сейчас ни к исканию выходов во вне, ни к критической мысли – этим колосникам большевистского часового механизма предложить отдать еще что-то, последнее, самое святое, продать близких, оплевать то, что не можешь не уважать, облить грязью собственную душу, оклеветать то, что не можешь не считать чистым, бросить в пасть ненасытного Молоха партийной машины все, что еще оставалось в душе святого и чистого – они бы это сделали, как сделали сидящие там, на этих скамьях. Это, конечно, смерть души, моральная смерть, гражданка Коноплева. Не утешайте себя фразами о «старой морали». Ваша новая мораль – «цель оправдывает средства» – стара, как мир. К ней прибегали все изувачеры всех времен и народов. Она – смерть души и всякой морали. Но вот со дна опустошенной души встает роковой вопрос Деревцова: «а что, если все зря?». А что, если вы социалистический капитал вложили в буржуазное дело? А что, если, вместо спасения пролетариата, вы его обокрали и продали? Что тогда?

Вы говорите: «Смерть!» Простая физическая смерть? Слишком мало, граждане! А что же вы делаете с тем ядовитым севом, который вы своим черным делом сеете в сеплах тех, кого сами зовете бессознательными и темными. А если ваш прием найдет полпажателей? Вель не убьете же вы и их, чтобы уничтожить посеянное вами семя? Идеи выстрелом не поразить. И

это пагубление души, которое вы здесь производите под фирмой «воспитательной роли процесса» [–] ваше самое большое преступление. Я не боюсь за русский народ. Пусть его политическое сознание еще сильно отстало от уровня передовых рабочих Англии и Франции. Инстинктивное чувство внутренней правды и красоты ему присуще не меньше. На этом суде он найдет другие примеры, вынесет другие уроки. Но вы сами должны понимать всю глубину пропасти, в которую скатились. А суд и те руки, которые заводили часовой механизм, они не имеют права ставить вопрос о вашем предательстве. Предательство и весь позор его – общий коллективный позор всех вас, всей коммунистической партии до самых ее скрытых пружин. Этой ответственности никому из вас не скрыть, никому от нея не уйти.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Е. Ратнер. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 31–33.

№ П-88

Последнее слово Е.М. Тимофеева

4 августа 1922 г.

Я не надолго задержу ваше внимание. Меня интересует политическая сторона дела. Однако, поскольку товарищи доверили мне говорить во время процесса от их имени, – вы знаете уже мою точку зрения. Сейчас я хочу привлечь ваше внимание лишь к одному пункту, который[,] по[-]моему[,] является новым в наших прениях на суде и в нашей борьбе с вами за истекшие 5 лет. «Мы сам[а] крайняя партия современности», «мы якобинцы настоящей революции» – так вещал вчера Бухарин. Я не стану возражать против этого утверждения. Если вам нравится погонять в якобинских плащах и упиваться победами настоящего боя – это ваше дело. Нас интересует другое, нас интересует будущее.

Помните, что якобинцы считали себя не только крайней партией современности, но и утвердителями царства разума на земле. Дальше их идеалов 1793 года для них не существовало ничего. И вам известно, как обошлась с ними история. Вам известно, что вместо гордого царства разума якобинцы смогли родить и утвердить лишь в лучшем случае царство мешанской добродетели. Здесь не раз уже перелистывали странички Марксовых писаний. Разрешите мне слепать это еще раз и в последний раз. Вам известны наверное слова Маркса о якобинцах: «Они обещали дать Равенство, Свободу и Братство, а дали в действительности равенство, свободу и Бен-Ам^а». Да, того самого Бен-Ама, – ту самую мораль, в которой и честь и совесть стали отпущаться по грошам...

Помните об этом примере. Считайте и утверждайте себя, как якобинцев, как крайнюю партию **современности**^а. Упивайтесь этой победой. Нам здесь с вами не по пути. Наши взоры, как и раньше прикованы к будущему, и наших идеалов равенства мы не променяем ни на какого Бен-Ама. Эти идеалы – наши старые идеалы, и вы их своими успехами не измените и не изменяете.

Вот, граждане, источник нашей вражды. Мы служим будущему и хотим служить только ему. Поэтому ваши лавры современности нас не соблазняют и ради них мы ни в чем не согласны отступить со своей стези. Я этим кончаю. Помните – самая «крайняя партия современности» – дала лишь Бен-Ама. Помните, что современностью не кончается все...

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Тимофеева. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 33.

№ П-89

Последнее слово Ф.Ф. Федоровича

4 августа 1922 г.

Еще на предварительном следс[т]вии и здесь на одном из первых заседаний, я заявил что я, как член Ц.К., полностью несу ответс[т]венность за все действия и постановления, как Ц.К., так и его полномочной делегации. Сейчас я еще раз настоятельно это повторяю.

За все 20 лет моей работы в рядах партии я всегда был активным, дисциплинированным ее членом. Это моя гордость; от этого я никогда, ни при каких условиях, я не отказывался, и, конечно, не откажусь.

Перехожу к рассматриваемому периоду. После 8-го сов[ета] парт[ии], объявившего вооруженную борьбу против большевиков, я, согласно постановлению Ц.К., один из первых выехал в Поволжье, каковое предполагалось ареной борьбы. Здесь в Поволжье, с образованием Самарского фронта, на

^а Выделено в документе.

мою долю выпало руководство работой отдельных наших партийных комитетов области, оказавшихся в прифронтовой полосе. Разумеется всемерная поддержка фронта – была главной работой; конкретнее говоря, наше[й] задачей ставилась помощь своему фронту и подрыв фронта противника. Этой работой я был занят три месяца, все время разъезжая по сторонам фронта. В первых числах сентября по вызову Цен[трального] к[омитета], я перешел фронт и попал в Самару, где вступил в комитет членов Учр[едительного] Собрания.

В [19]19 году в Сибири, после побега из Омской тюрьмы, я вступил в Сибирскую делегацию Цен[трального] ком[итета]. В полном согласии с директивами IX-го сов[ета] парт[ии], наши сибирские партийные организации все острие своей борьбы^а обратили против Колчаковской реакции. Наша[,] ведь[,] партия главным образом подготовила эту борьбу. Наша партия возглавила возмущение против реакции, которое, как известно, окончилось пленением Колчака в Иркутске. Эту борьбу мы вели под своими лозунгами, под своими знаменами. Те же лозунги у нас остались, когда пришли в Сибирь большевики; мы не скрывали своего отношения к ним.

Здесь пытались доказать, что вся^б эта борьба, и главным образом форма и условия наших взаимоотношений в Сибири с большевиками не соответствуют директивам Ц.К. Чтобы покончить с такими попытками, я должен заявить, что, после моего доклада в Москве Ц.К. о нашей работе в Сибири, Ц.К. полностью ее одобрил.

В Сибири я провел первую половину [19]20-го года. В это время определилась позиция партии в Сибири к большевикам, каковая, главным образом, выявилась в других документах: в декларации по поводу войны с Польшей, и в циркулярном письме по поводу Красноярской программы. Здесь я хочу отметить характерную черту. На суде все время пытались представить, что в нашей партии нет ничего общего: «всяк молодец на свой образец». Характерно, что декларация Краевого Комитета, отделенного от Ц.К. тысячью верст[,] не только не отличается по существу от декларации ЦК, но часто говорит буквально одними и теми же словами. Государственный обвинитель пытался доказать здесь и обратное, что здесь, вопреки постановлениям IX сов[ета] парт[ии], в Сибири готовили вооруженное возмущение. Я имею ввиду пресловутый Сибирский крестьянский союз, продукт шантажа и провокации. После объяснений, данных главным образом тов. Раковым¹⁷, является, конечно, доказанным, что партия здесь не при чем. Нет, мы в Сибири действовали все время согласно директивам партии.

Все это я говорю только для того, чтобы показать, что невозможно, нельзя меня, члена Ц.К. оторвать от Ц.К., как целого; невозможно, нельзя сказать: это твое дело, отвечай, а это не твое. Нет и нет. За все, что делает Ц.К. отвечает и каждый член Ц.К.

Кончая свое последнее слово, я должен сказать, что здесь на суде выяснилась позиция нашей партии. Наши объяснения здесь, в зале суда, как верно выразился т. Гоц, явились своеобразным отчетом за нашу деятельность за истекший период. И я, член Ц.К., всецело разделяющий заявления и декларации наших ответственных товарищей, уполномоченных всей нашей группой, я считаю себя ответственным за все полностью и до конца.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Федоровича. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 33–34. Публикация сопровождается редакционным примечанием: «Речи других товарищей редакцией не получены».

^а Вписано вместо вычеркнутого работы.

^б Вписано сверху над строкой.